

Обед

Анатолий АРГУНОВ

г. Великий Новгород

с апельсинами

рассказ

1

«Чуф... чуф... чуф...» — чуфыкает паровоз, выпуская клубы белого пара. Трехлетний Котька со страхом смотрит на черное длинное чудище, вжавшись в колени матери. Мама, молодая красивая женщина с легким румянцем и белозубой улыбкой на лице, невысокая, со статной фигурой, в босоножках с белыми носочками, в цветном крепдешинном платье, схватывает в охапку Котьку и, весело улыбаясь, шепчет на ухо:

— Чего ты испугался, дурачок? Папка твой на таком же паровозе ездит... Вот подрастешь и будешь на нем работать.

Котька мотает головой и чуть не плача кричит:

— Нет, не буду! Не буду!

— Ладно, ладно, не хочешь — не будешь, — поцеловав сына, женщина плотнее прижала его к груди.

Мужчина в военной форме помогает матери подняться в вагон. В вагоне тесно, шумно и весело: где-то играет гармонь, молодые азартные парни режутся в карты и всё говорят, говорят, говорят...

Военный уступает матери с ребенком свое место. Уууу!.. И поезд медленно трогается с места. Колеса сперва лениво, потом все быстрее и быстрее застучали свою бесконечную песню. Поезд набрал скорость. Летний свежий ветер наполнил вагон запахом трав и цветов с привкусом жженого угля.

Он, Котька, со своей мамой мчится в город, и не было счастливее в тот момент человека, чем Котька. Ведь рядом с ним была его родная мама — самая красивая, самая умная и самая добрая. Сильный ветер приподнимал черные мамины волосы, делая ее еще прекрасней и загадочней, такой ее Котька не видел больше никогда. С

восхищением смотрел на маму молодой военной и почему-то все время пытался завести с мамой шуточный разговор. Но мама улыбалась и ничего не отвечала ему.

Они приехали в райцентр — небольшой, пыльный городок с десятком каменных зданий, узким кольцом охвативших железнодорожную станцию.

С одной стороны — паровозное депо с водокачкой в центре: с другой — вокзал с цепочкой подсобных помещений железнодорожных служб: НГЧ, ПЧ, ШЧ и еще каких-то со странными названиями. Несомненно, наличие каменных зданий придавало городку и его жителям солидности и важности. День выдался на редкость знойный. И Котька с матерью, обойдя пешком все нужные и ненужные инстанции, усталые и голодные, оказались около местной точки общепита — чайной. Это было несуразное одноэтажное деревянное здание, построенное в виде буквы «Г», обшитое вагонкой и выкрашенное в грязно-коричневый цвет, что придавало ему еще больше тяжести. Из чайной все же вкусно пахло жареными пончиками с повидлом. Мать взяла Котьку за руку и смело шагнула внутрь чайной. Минував длинный и темный коридорчик, они попали в довольно светлую и просторную комнату с низкими потолками и висячими люстрами. Слева в углу за полукруглым прилавком расположился роскошный буфет. На его прилавке в тарелках были выставлены всевозможные закуски. Но больше всего Котьку поразило блюдо с каким-то неизвестным фруктом, напоминавшим яблоко, только желто-розового цвета.

— Что это, мама? — шепотом спросил Котька и показал пальцем на блюдо с фруктами.

— Апельсины, — ответила мать.

Котька во все глаза продолжал разглядывать помещение. За стойкой буфета было столь мало места, что, казалось, в нем нельзя повернуться, но там суежилась молодая полногрудая женщина с ярко накрашенными губами, в белоснежном кружевном переднике, заколотом сверху огромной брошкой в виде майского жука. Она, не поднимая глаз, что-то считала на счетах и записывала в тетрадь карандашным огрызком. Не отрываясь от своих расчетов, буфетчица приятным грудным голосом спросила маму:

— Что-нибудь желаете? Будете обед заказывать или чего-нибудь из буфета?

Мать посмотрела на Котьку и весело сказала:

— Будем обедать. Когда мы еще домой вернемся?!

Буфетчица кивнула головой:

— Возьмите меню и заказывайте.

Котька не понял и дернул мать за руку:

— Какое меню? Где она? Я хочу здесь.

— Да здесь, здесь, сынок. А меню — вот эта бумажка, тут написано, что будем есть и сколько это стоит.

Котька успокоился. Мать дважды перечитала рванный и замусоленный листок и заказала котлеты с пюре, рыбный суп и пончики с чаем.

— Вы проходите в зал, вам принесут, — буфетчица направила их в соседний зал, где стояли столы, застеленные белыми скатертями, и по четыре стула со спинками. За соседним столиком сидели два мужчины, пили пиво с раками и вели свой, только им понятный, разговор. Котька, сев за стол, не сразу понял, что они тут будут делать. Но вот принесли горячий суп, кусочки нарезанного свежего хлеба, и Котька понял, что сегодня у него два праздника: первый — его не оставили дома с братишкой и сестренкой и они с матерью поехали путешествовать в райцентр. А второй — обед в столовой, за столиком с белой скатертью, и им даже подавали еду в отдельных тарелках.

На столике стояли цветы в вазочке, и рядом с ним была его мама, молодая и самая красивая. Он смотрел на нее, она — на него, и они от переизбытка чувств улыбались друг другу. Когда принесли котлеты с толченой картошкой, Котька спросил:

— А где пюре?

— Да вот же оно, — мама показала вилкой на картошку, — это и есть пюре. Так оно называется, когда растолочь картошку и туда добавить молока. Понял?

Котька согласно кивнул головой.

Напротив них сели две молодые женщины с накрашенными губами. Легкие газовые кофточки были небрежно повязаны поверх белых блузок. Они курили папиросы и что-то оживленно обсуждали. Мужчины, закончив пить свое пиво, ушли, рассорившись, оставив на столе груды красных очисток от раков.

– Мам, а, мам, хочу апельсинов попробовать. Купи мне, а, мам?

– Да ты что, Котька, они стоят дороже всего нашего обеда. Нет у меня таких денег. Вот вырастешь, будешь зарабатывать и купишь. А теперь пошли, а то на поезд опоздаем.

К вечеру они вернулись на свой тихий полустанок, где их ждали привычные дела и заботы по хозяйству. Вскоре Котька занялся своим мальчишечьим делом и совсем забыл как про свою поездку в райцентр, так и про апельсины.

2

Как давно это было? Константин Иванович Серебренников пытался подсчитать, но сбился и невольно перевел взгляд за окно, будто стараясь в нем увидеть свое прошлое. Но окно уже давно было не тем окном в мир, которое с детства любил Котька. Тот загадочный мир, где ездили грузовики и смешные легковые машинки, ссорились и мирились дядьки и тетки, а за стенкой разыгрывались семейные драмы между соседом Володей Кубинцем и теткой Машей, его законной сожительницей, давно ушел в прошлое.

Это было другое окно в кабинете большого чиновника – плотно скрытое от внешнего мира жалюзи. Константин Иванович встал, подошел к окну и, дернув за веревочку, приоткрыл жалюзи. Мир стал в полоску, он еще раз дернул, пластинки снова опустились и закрыли дневной свет, тогда Константин Иванович со всей силы рванул за веревку, жалюзи с треском взлетели вверх, наконец-то обнажив пространство.

За окном стояла осень. Мелкий осенний дождик барабанил по зонтикам прохожих. На остановке напротив дома скопилось много народа, прячась от дождя под навесом, они ежесекундно вытягивали шеи, словно жирафы, и дружно смотрели влево – туда, откуда должен был появиться автобус. Но он все не шел.

Константина Ивановича слегка развеселила эта картина, и он еле уловимо улыбнулся. Когда он открыл форточку, то упругая свежая струя ударила ему в лицо. Что же делать? Что делать? – снова и снова задавал себе вопрос Константин Иванович и не находил ответа.

Нужно что-то делать! И он решительно начал

действовать. Нажал на встроенную в стол кнопку. Влетела молодая длинноногая секретарша.

– Слушаю вас, Константин Иванович.

– Инга, позвони и узнай расписание электричек на Саблино.

– Это где, Константин Иванович?

– Где-где? Пора бы знать окрестности города. С Витебского вокзала.

– Хорошо, сделаю.

Через минуту-другую Инга доложила шефу, что электрички на Саблино идут через каждые сорок пять минут, и перечислила время отправления.

– Ладно, понял, тогда съезди сейчас с Володей и купи билет на завтра туда и обратно.

– Я поняла. Один или два?

– Один.

Она быстро развернулась и, слегка покачивая бедрами, вышла из кабинета.

Саблино выгодно отличалось от других пригородов тем, что в нем угораздило родиться одному из высоких партийных чиновников, быстро сделавших карьеру от председателя сельсовета до секретаря обкома. По этой причине в поселке построили школу-десятилетку, открыли типовой детский садик со всеми удобствами и, как бы само собой разумеется, выстроили участковую больницу, оснатив ее по тем временам самым современным оборудованием.

Как ни крути, инфраструктура была создана. На базе больницы даже открыли медико-социальный центр для пожилых людей, проще говоря, богадельню на новый лад.

В этот самый центр со всего района стали свозить одиноких стариков и старушек, которых совместно было оставить одних на виду у всего народа. Как-никак, а власть что-то должна делать. Вот она и решила этот вопрос с пользой для себя: и авторитет перед народом не уронила, и вроде бы как облагодетельствовала нуждающихся. Вот на этот самый медико-социальный центр и взял курс Константин Иванович после звонка главному врачу Сергею Юрьевичу, с которым они изредка поддерживали отношения. О чем они говорили, останется для нас тайной. Но доподлинно точно известно, что после этого звонка Константин Иванович занервничал, даже закурил, хотя давно забросил эту вредную привычку. Даже стал строже и требовательнее к

подчиненным, пока окончательно не ответил себе на мучительный вопрос: ехать или нет.

Приняв решение ехать, он внутренне успокоился и даже как-то с несвойственным ему вниманием стал выслушивать до конца подчиненных, не прерывая на полуслове. Кому-то казалось, что он не слушает, но это было ошибочное мнение. Он мгновенно реагировал на фразы собеседника, если был не согласен, и говорил что-нибудь вроде этого: «Не передергивайте факты, где логика?», «Что по существу вы предлагаете?»

Потом Константин Иванович неожиданно для всех исчез, сказав секретарше, что вернется через пару дней.

Сам же Константин Иванович оказался там, откуда ему звонили. Он стоял перед двухэтажным, из силикатного кирпича, зданием, бывшей сельской участковой больничкой на 20 коек. Поставив огромную сумку на сырую от утренней росы скамейку, стоящую около входа, торопливо достал пачку сигарет, шелкнул зажигалкой и закурил. Ничто не говорило о том, что в здании есть люди. Кругом разлилась первобытная тишина, лишь редкие галки на самых верхушках елей что-то лениво прикаркивали, видимо, комментируя друг другу приезд нового человека.

Сзади до его плеча кто-то дотронулся. От неожиданности Константин Иванович повернулся и увидел сухонького старикашку с почерневшим от постоянного пребывания на улице лицом. Его пронзительные голубые глаза весело смотрели на него:

— Дай закурить, мил-человек, — обратился он.

Константин Иванович молча достал пачку и протянул старику. Тот долго разглядывал этикетку.

— Не наши, — осторожно вытащил грязными пальцами сигарету и будто бы случайно прихватил еще две, которые наполовину торчали из открытой пачки. Несколько сигарет упали на траву.

— Извини, неловкий я стал, — начал оправдываться старик.

— Да ничего, не волнуйтесь, берите всю пачку. У меня еще в запасе есть.

— Нет, что ты, что ты! — запротестовал он. — Вот разве что упавшие возьму.

И он вновь, демонстрируя чудеса ловкости рук, в одно мгновение засунул сигареты за оба

уха, протянув остаток пачки Константину Ивановичу.

— У тебя кто здесь? Родня или так, по делу?

Константин Иванович ничего не ответил, перевел разговор на другую тему:

— А что-то никого не видно. Где все?

— Тихий час, мил-человек. Все бабульки спят. А я, как постоянный клиент и на своих ногах, грибы-ягоды собираю. Что продам, а что старушкам отдам или на кухню. Куда мне?.. А они, глядишь, мелочишки на сигареты дадут или на бутылочку винца насобираю. Так вот и живу. Мне и людям польза. Без этого нельзя. Вишь, у меня ничего не болит, только не соображаю ничего. Вот спроси, какое сегодня число, месяц и год, не скажу, не знаю. Скажешь, тут же забуду. А так я все делать умею. И дрова колоты, и что-то по машине ремонтировать пособлю. А так дурак дураком. Вот сюда и определили.

Видя, что Константин Иванович, не успев докурить одну сигарету, закурил другую, он засмеялся:

— Да ты не волнуйся, мил-человек, у нас здесь хорошо: кормят три раза, первое с мясом или рыбой. Правда, с деньгами стало хуже. Уже который день суп из рыбных консервов варят. На второе — котлеты с кашей, чай, компот бывает. Так что жить можно.

Константин Иванович ничего не ответил, словно не слышал голоса старика, а тот продолжал свое:

— Нам двадцать процентов от пенсии выдают, на мелкие расходы. Бабкам-то старым они не нужны, а кто помоложе, как я, деньжата пригодятся, к примеру, свежей булки купить да сахарку. Пекарня в поселке своя, хлеб хорошо пекут, зазеваешься — мигом разбирают. Со всех деревень ездят к нам за хлебом. Бывает, не успеешь вовремя прибежать, а уже и нет. Но для меня и для старух продавщица оставляет. Анфиса — баба с понятием. И я к ней, со своей стороны, стараюсь отблагодарить: то ягод, то грибов, а зимой и дров заготовлю. Анфискин-то мужик до чего допил — инвалидом стал, делать ничего не может. Сиднем сидит. Вот я и помогаю. А мне что? Лишь бы дело какое было да внимание...

Константин Иванович долго слушал этого совсем ему незнакомого человека как давнего

своего знакомого и, странно, даже ни разу его не перебил.

— Как зовут-то вас?

— Тихоном кличут. Хотя по паспорту я Тихон Хокканен, финн я по отцу. Здесь до войны их много было. Лес заготавливали, стружку для мебели выгоняли. А во время войны Сталин всех сослал, кого куда. Я вот с мамкой остался, она русская была, а батьку в Сибирь, там и пропал. Мамку вскоре на лесоповале бревном убило, а я сиротой остался.

Тихон прикурил от зажигалки, протянутой Константином Ивановичем, и с наслаждением затянулся сигаретой.

— По детским домам всю страну изездил. Отовсюду сбежал. В армию не взяли по болезни — плоскостопие нашли, белый билет дали. Работал где придется. Все хотел на родину отца попасть и, чтобы поближе быть, в Карелию перебрался. Работал на лесопункте вальщиком, потом за хорошую работу перевели в контору леспромхоза снабженцем. Но потом выпивать стал. За тунеядство срок дали. Отсидку «химией» заменили, в Казахстан отправили — коровники строить. Оттуда по всей Азии прошел. И вот сюда, можно сказать, на родину, под старость перебрался. А семью так и не завел. Все некогда было. По молодости путался с бабенками, а семьи так и не получилось. Да и кто бы за меня пошел? Ни кола ни двора.

Тихон замолчал. Константин Иванович взглянул на старика и увидел слезы на небритых щеках.

— Да, оно, конечно, не очень здорово у вас жизнь сложилась. Но тут уж, наверное, сами виноваты.

— Сам, сам виноват, — согласно закивал Тихон.

В разговоре повисла пауза.

— Вы ведь, наверное, все про всех знаете. Подскажите, где найти главного врача?

— А и искать его нечего, кабинет главного на первом этаже, как зайдете, справа. Да там табличка есть, а его сейчас нету. Он с обеда редко бывает. У него других дел много. Если надо, где живет в поселке, покажу.

— Нет. Не надо, — остановил Тихона Константин Иванович. — Ну, а где пациенты находятся, знаешь?

— Бабушки-то? Как не знать... На втором этаже. Ходячие — с первой по седьмую палату,

а в остальных — лежащие. Да тебе кого надо-то? Фамилия как?

Константин Иванович ничего не ответил, обдумывая, как поступить, потом спросил, уводя разговор в другую сторону:

— А что, стариков, кроме вас, нет больше?

— Были два, да поумирали. А новых не завезли. Выходит, что остался я один мужского полу.

— А сколько же всего здесь человек? — вновь задал вопрос Константин Иванович и как бы невзначай стал поправлять сумку.

— Двадцать пять вместе со мной. Бывает иногда больше, но мест не хватает, тогда в коридор выносят койку, ждут, пока умрет.

— Да, да... Понятно, — пробормотал Константин Иванович и, сделав движение рукой, дал понять Тихону, что он дальше пойдет один. Взял сумку и направился к обшарпанной двери, обитой для тепла дерматином, из-под которой торчала грязными ключьями вата.

Поднявшись на второй этаж, Константин Иванович оказался в большом коридоре, по обе стороны которого были двери, как каюты на корабле. У самого входа, напротив окна, на табуретках сидели две старушки, укутанные, несмотря на теплый август, в толстые шерстяные кофты и теплые платки. Константин Иванович поздоровался и на их молчаливо-вопросительные взгляды ответил:

— Попробую сам найти...

Но долго искать не пришлось. Над дверью каждой палаты висела табличка, где были указаны фамилии пациентов. На двери палаты №3 было написано «Серебренникова Е. А.».

Константин Иванович постучался, но никто не ответил. Старушки у окна почти хором проговорили:

— Вы входите, они там все глухие, не слышат.

Константин Иванович открыл дверь и вошел внутрь. Небольшая, но светлая и чистая комнатка на четыре койки, с тумбочками вдоль стен и двумя темными громоздкими шкафами для одежды напоминала больничную палату. Напротив двери — окно, завешенное желтоватыми шторами, посередине — стол. Одна койка пустовала и была застелена голубоватым одеялом. На других лежали три бабульки, очень похожие друг на друга, в белых платочках, повязанных по самые глаза, с одинаковыми сморщенными лицами. В одной из

тех, что была ближе к нему, справа от двери, он узнал мать.

Она сильно изменилась с того времени, как он видел ее в последний раз. Наверное, это было лет 7-8 назад, точно не помнил. Тогда это была пожилая женщина лет за семьдесят, которая еще берегла следы своей девичьей красоты: волосы с проседью, но аккуратно зачесаны назад, лицо с многочисленными морщинами, но кожа была всегда ухоженной, с мягким румянцем на щеках, глаза излучали тепло и доброту.

Сейчас перед ним лежала совершенно исхудавшая старушка с впалыми щеками, личико, обрамленное платком, завязанным узелком на голове, больше напоминало лицо подростка, чем старой женщины. Ее глаза приоткрылись, бабуля что-то про себя пробормотала и даже, кажется, улыбнулась, обведя помещение пустым взглядом, и снова их закрыла.

— Мама... ты... слышишь? Это я. Ты меня узнала?

Он осторожно сел на край кровати и обнял старушку. Слезы сами по себе потекли по его щекам.

— Константин, ты никак плачешь, сынок. Не надо, не плачь, видишь, Бог дал — мы и свиделись.

Она обняла его тоненькими руками за шею и прижалась из последних сил к его груди. Они оба, словно и не разлучались никогда, как младенец и молодая мать, заплакали от счастья в объятиях друг друга. Сколько прошло времени, они так и не вспомнили. Выплакавшись, Константин Иванович встал, смахнул ладонью слезы с лица, вынул из кармана тонкий батистовый платок и склонился к матери.

— А ты мне, Костя, приснился сегодня. Вижу: город, народу много-много, а будто на вокзале и праздник какой-то, знаю, что ты должен меня встретить, а тебя все нет и нет. Я уж забеспокоилась. И тут ты идешь, улыбаясь, веселый такой, беззаботный и как будто мимо меня. Я хотела закричать, а тут народ куда-то заспешил и меня за собой потянул. Я сопротивляюсь, хочу выбраться из толпы, кричу тебе, а голоса своего не слышу и тебя не вижу. Испугалась, что не свидимся больше никогда, с тем и проснулась.

— Вот видишь, мама, сон в руку, я и приехал.

— Долго собирался, — тихо пробормотала старушка.

— Все дела по работе, из командировок не вылезал, дом, дети... Все хотят, чтобы им помогали, опекали... На себя времени не остается. Потом, к тебе неудобно добираться: дороги нет, электричкой не с руки, прости меня, если сможешь...

— Как дети твои и мои внуки, сынок? — после паузы спросила мать.

— Все хорошо. Все здоровы, учатся. Старший Иван окончил институт, работать пошел, у него сын — в честь деда Мишей назвали, младшая дочка пока не замужем, но работает, живет в Москве. Так что все в порядке. Лучше расскажи, как ты-то здесь.

Но мать, видимо, так долго ждала приезда сына, что никак не могла поверить, что он рядом с ней. Она все держала его руку в своей, боясь отпустить, чтобы тот утренний сон, в котором она потеряла сына в толпе, не повторился наяву.

— Костенька, сынок. А ведь сон-то мой к чему, знаешь?

— Ты же сама, мама, сказала: к встрече.

— Так-то так, но это не все. Мне приснилась моя смерть. А люди вокруг и праздник — это мои похороны.

— Да что ты, мама, не будем о грустном. Все там будем, как говорится, но в разное время.

— А мой срок, сынок, пришел, — и слезы из глаз матери вновь потекли медленными струйками. Она их не вытирала, видимо, их так много накопилось за долгие годы ожидания, что не дать им волю она не могла.

Константин Иванович понял это и снова обнял мать, нагнувшись над кроватью, припав лицом к ее мокрому морщинистым щекам.

Через некоторое время она, будто вспомнила важное что-то, тихо-тихо прошептала:

— Приподними меня в изголовье, мне трудно дышать.

Константин Иванович осторожно взял под мышки и легко, почти без усилий, приподнял мать и усадил в кровати, подложив подушки под спину.

— Вот и хорошо, сынок. А то самой теперь не под силу садиться. Санитарки у нас хорошие, но разве за всеми успеешь. Так и прожدهшь иногда полдня, пока подойдет.

Но от избытка нахлынувших на нее сегодня чувств или просто от усталости старая женщина неожиданно замолчала, прикрыла глаза и заснула...

Константин Иванович подошел к столу и стал выкладывать на него привезенные с собой гостинцы. Здесь было все: от колбасных изысков до черной икры, нашлось место на столе и для большого торта «Птичье молоко», винограда, яблок. Но радостней всего стало Константину Ивановичу, когда он со дна сумки достал пакет огромных ярко-оранжевых апельсинов. Не найдя ничего подходящего, на что их положить, он взял на тумбочке тарелку с кусочком черствого белого хлеба. Осторожно протерев тарелку полотенцем, Константин Иванович уложил апельсины на тарелку и установил ее посреди стола. Тут же рядом он примостил бутылку настоящего французского вина. Осмотрев стол, Константин Иванович вышел за дверь, чтобы подыскать пару стульев.

Когда он вернулся, мать уже проснулась и смотрела на него потухшими, но такими же добрыми, как в детстве, глазами.

— Сынок, ты зря беспокоишься. Я ведь давно ничего не ем. Я умирать собралась. Слава богу, что мы при жизни повидались. Больше мне ничего не нужно.

Она снова закрыла глаза и затихла. Константин Иванович хотел было что-то сказать, но в это время его кто-то окликнул. Это была старушка, которая сидела на краешке соседней с матерью кровати.

— Сынок, не беспокой ее. Пусть отдохнет Еленушка. Устала она, тебя ждавши.

Константин Иванович стоял посреди комнаты, не зная, что делать.

— Спасибо, я понял, — ответил он шепотом. — Тогда вы присаживайтесь к столу, попробуйте. Тут колбаска, сладости, фрукты, сейчас торт разрежем, чаю свежего заварим, и мама проснется. Попируем, а то зачем все это я привез!..

Тут Константин Иванович не то чтобы смутился, но почувствовал, что перегнул палку, сказал как бы в оправдание себе:

— Я же гостинцы для всех вез, если сейчас не хотите, то потом можно... Сами решите, как поступить.

— У нас, Костенька, все всегда поровну. Не дай бог кого обидеть... Хуже наказания нету, — так же тихо, чтобы не разбудить соседку, прошептала бабуля. — Да ты не беспокойся, сейчас Мария встанет, она у нас бойчее всех, и все уладит.

Константин Иванович сел на стул и согласно кивнул головой.

— Делайте как знаете. Вам видней.

Но старушка так и не услышала его, продолжала свое:

— Мать-то давно ждет. Чуть что, к окну, не приехал ли сынок... Да все мы так живем, ожиданием... Вот и мои живут в Прибалтике, оба состарились, на пенсии. А где теперь денег возьмешь, чтобы до меня добраться... Я им в письме так и написала, не хлопчите — мне здесь хорошо и нечего переживать... Мне теперь немного осталось, поживу еще чуток, да и на тот свет пора. Да и на похороны ехать незачем. У нас тут хорошее кладбище: сухое, в ельнике. Даже свое место для нас отведено. Мы-то свои денежки все отдаем больнице, она о нас и заботится. Так что беспокоиться не о чем. А я вот все не умру, уж девяностый год разменяла давно, а смерти все нет. А пора, устали мы тут...

Константин Иванович сидел и молча смотрел, иногда переводя взгляд на спящую мать и бабульку, которая все говорила и говорила. Он уже давно не воспринимал ее бесконечные разговоры. Но только понял одно. Им не с кем даже поговорить, а друг другу они видно уже все высказали и выплакали, а он новый человек.

Неожиданно зашевелилась и встала третья старушка. Отбросив одеяло, она в теплом халате тут же бойко встала и подошла к Константину Ивановичу и стала внимательно его рассматривать.

— Да не к тебе, Мария, не к тебе. Это сынок к Елене Александровне пожаловал, — громко прокричала первая старушка.

Мария Александровна повернулась к бабушке и спросила: — Агафия Сергеевна, к кому пожаловали?

— Да к Еленушке, глухая тетеря, — ответила старушка Костюшке, — ведь мы ничего не слышим. Еще твоя мать, та ничего, всегда услышит, если кому из нас бывает плохо, а мы-то с Марией совсем оглохли...

Константин Иванович встал, поздоровался с Марией, пожав ей руку. Она, так и не сообразив, что с ней здороваются, замахала руками: нет, нет, мне ничего не надо. Константин Иванович так растерялся, что и не знал, как себя вести. Но в это время проснулась мать,

она открыла глаза, посмотрела на Константина Ивановича, перекрестилась и тихо-тихо проговорила: — Ты еще здесь, сынок?

— Да, мама, конечно же я здесь, а где же мне быть, вот с бабушками познакомился, пока ты отдыхала.

Улыбалась она едва заметно, почти одним глазом.

— Костенька, они хорошие. Мы как сестры стали, помогаем друг другу, — и слезы снова выступили на ее глазах.

Константин Иванович подвинул стул к самой кровати и, пригнувшись к матери, поцеловал ее.

— Не надо, мама, тебе вредно волноваться. Видишь, все хорошо, я с тобой, мы вместе снова. Все будет хорошо. Хочешь, я тебя заберею совсем... Тогда ты знаешь, как получилось. Мне за границу нужно было срочно уехать. Дети кто куда, всем некогда. С Наташей ты не ладила, а сама уже не могла одна жить. Вот так и получилось. Но сейчас все будет иначе. Ты поживи еще сама, — тихо и нежно проговорил Константин Иванович.

Мать ничего не ответила. Она поглаживала по седеющей голове сына совсем невесомой и теплой рукой, тихо плакала. Мария действительно оказалась бойкой старушкой. Через несколько минут в палату вошла молодая, худенькая и строгая девушка.

— Это Настенька, наша нянечка, — гордо представила девушку Мария. — Настенька, поздоровайся!

— Здравствуйте, вы к Елене Александровне?

— Да.

— Очень хорошо. Мы вас ждали. — Она немного смутилась, затем решительно скомандовала: — Сейчас будет полдник, все приглашаются в буфет. И вы, Константин Иванович, приглашаетесь. Побудьте с нами, попробуйте нашу еду. Она у нас неплохая, правда, бабуля? А вашу мать, Елену Александровну, мы очень любим: весь персонал и все бабульки. Она у вас очень добрая и отзывчивая, когда могла, нам всем помогла. А вот теперь совсем ослабла, никуда не ходит. Мы ее в палате кормим. Недели три как отказывается совсем от еды, даже с ложечки не хочет. Говорит, что ее мутит, не ест и все. Хоть плачь...

— Да не слушай ты ее, Костя: это так хочет, чтобы я, как молодая, за двоих ела. Мне ведь те-

перь совсем немного надо... А ты сходи посмотри, как мы живем-можем. Чайку попей, ведь с дорожки. И это, что привез, забери, всех угости, Костенька, а мне ничего не надо.

Константин Иванович, не отвечая, смотрел на мать, надеясь вспомнить те ее черты, которые он так любил в матери. И не находил их... Перед ним была просто очень старая больная женщина. Он понимал, что это его мать, но уже не чувствовал себя таким беззащитным Котькой, прятавшимся в подол материнской юбки. Скорее он ощутил себя тем человеком, у которого хотят найти защиту. Но тут ему в голову пришла где-то услышанная или прочитанная фраза: пока живы родители — мы дети...

В это время Мария с помощью Аннушки и еще каких-то двух ходящих старушек быстро и ловко перенесли все подарки в буфет, Константин Иванович только успел взять пару апельсинов. Очистил их и по долькам стал предлагать матери. Она взяла одну дольку и, чтобы не обидеть сына, слегка пососала. Но силы, видимо, окончательно покидали ее, и она через минуту-другую снова стала закрывать глаза и снова тихо заснула.

Вошла Аннушка и за рукав потянула Константина Ивановича к двери. Он встал и тихо, стараясь не скрипнуть, вышел вслед за ней.

В буфетной, довольно просторном помещении, стояло с десяток столиков, было уютно, пахло подгоревшим молоком и неистребимым запахом всех казенных заведений России — сыростью. К столикам, медленно ковыляя, стали подходить старушки, каждая садясь на свое место. На столиках были расставлены чашечки с горячим молоком и тарелки с печеньем — по две на человека. Аннушка вместе с буфетчицей обносили каждый столик и каждому подавали тарелки, на которых были разделены всем поровну подарки, привезенные Константином Ивановичем. Старушки молчаливо брали неожиданные подарки и так же тихо, медленно и молчаливо ели.

В буфетной, к удивлению Константина Ивановича, стояла почти полная тишина и было слышно, как за окном резко каркали вороны. Ему стало не по себе от мысли, что и его ожидает такая же вот перспектива. Нет, нет. Но это невозможно. Это не для меня. Довольно,

мне пора... Я здесь больше не смогу ни минуты пробыть.

Константин Иванович встал и решительно направился к выходу. Аннушка попыталась было его остановить, но, увидя его напряженное лицо, поняла все, лишь в спину успела бросить фразу-упрек: — Как же вы ничего не поели на ... — Вторую часть Константин Иванович уже не слышал, дверь захлопнулась, и он остался один в коридоре, не зная, что ему предпринять. Тут же к нему неожиданно подошел его недавний знакомый, старик Тихон. Он смотрел на Константина Ивановича своими озорными глазами, как и при первой встрече. Кепка была сдвинута совсем набекрень, да и сам весь какой-то кривоватый, отчего вся его фигура напоминала коненковского старика-лесовика.

— Что загрустил, мил-человек? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Не стоит. Жизнь такая: не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Пошли со мною. У меня внизу каптерка, инструмент какой держу, чтоб отремонтировать.

Он взял за рукав Константина Ивановича и слегка подергал, как бы приводя его в чувство.

— Верно, верно, Тихон, давай перекурим. Я только мать посмотрю...

— Не тронь ты ее, пусть отдохнет, еще увидишь. День долгий...

3

Они сошли вниз на первый этаж, спустились по боковой лестнице в полуподвальное помещение, где размещалась мастерская Тихона. В отличие от остальных помещений, здесь царил полный беспорядок. На столе стружка, в углу были свалены ломаные стулья, напротив входа стоял рваный диван, из которого торчали пружины.

Тихон смахнул рукой часть мусора на столе, расстелил на этом месте лист газеты и откуда-то достал почти целую бутылку водки. Так же быстро на газете появились краюха хлеба, свежепросольные огурцы с запахом чеснока и смородины и скворчащая сковорода свежезажаренных грибов. Константин Иванович целый день не ел, и, несмотря на это, есть не хотелось, но тут у него даже засосало под ложечкой. Ему сразу

зу вспомнились детство, дом, мать. Их вечерний ужин, когда у матери сготовлено и вся семья ждала отца с работы, чтобы поужинать, вкусно пахло жареной картошкой с треской и топленым маслом. Отец был железнодорожником и возвращался домой с дежурства поздно вечером. И они всегда весело ужинали, а Котыка потом нехотя шел на сеновал, там была его постель, набитая сеном. Константин Иванович даже вздохнул от этих воспоминаний.

— Да ты не стесняйся, мил-человек. Бери ложку и ешь. Вилки нет, здесь их не держат. И у меня нет.

Тихон ловко разлил водку по двум граненым стаканам, налив их точно по «поребрику», как он сам выразился.

— Ну, за здоровье матушки.

Они чокнулись, и Константин Иванович в одно дыхание выпил целый стакан. Водка приятно обожгла желудок и возбудила в нем зверский аппетит.

— Закусывай, мил-человек, огурчиком... — подсказал Тихон. — Первейчая закуска для русского мужика. Как говорил Чапай, водки море можно выпить, лишь бы соленых огурчиков хватило...

Константин Иванович с хрустом, закрыв глаза от приятной теплоты, съел целый огурец без хлеба. Но Тихон и тут быстро поправил:

— Закусывать с хлебом надо: гриб и огурец в животе не жилец. Бери хлебушек, у нас он вкусный... — И он протянул Константину Ивановичу целую краюху теплого хлеба.

— Что это я, с голодного острова, что ли, — попробовал пошутить Константин Иванович.

— Да, все так, мил-человек, — смеялся Тихон. — За компанию смехом можно удавиться. Не стесняйся. Для тебя и сготовлено. Мне ведь теперь немного надо. Поклюю чего-нибудь, и ладно. Но без горячего не могу. В буфете не ем, мне там тоже неприятно. Сидишь, как на могиле, тишина, только старушки, как сухие деревья, скрипят. Мочи моей нет там сидеть. Вот здесь и готовлю. Чего захочу, то и состряпаю. Никто не мешает. Девки с кухни мясца подкинут, а все остальное у меня свое: и грибы, и огурцы, и капуста, и картошка на зиму, у нас все растет. Только не ленись. Для себя сготовлю, остальное отдаю. Кто попросит, тому и отдам. Мне не жалко, еще схожу... Сила пока, слава богу, есть.

От выпитой водки и хорошей закуски у Константина Ивановича немного отлегло от сердца, с наслаждением закурил и откинулся на спинку дивана.

— Никто в этой жизни не виноват, и не надо обижаться. Вот я, например, ни на кого не обижаюсь, как хотел, так и жил. У каждого своя судьба, и нечего пенять друг на друга.

— Тихон, не знаю, как вас по батюшке называть, расскажите мне о матери. Как она тут жила, чем занималась, ну, в общем, как тут ей было. Вы меня понимаете.

— Да отчего же не понять. Первое время сильно тосковала, плакала по ночам. Я, бывало, подойду, она скорей глаза вытирает. Не любила, чтобы посторонние видели, как плачет. Не любила ни о себе, ни о детях и вообще о прошлой жизни рассказывать. И работать, как я, очень любила. Первое время все делала сама. Никому не отдаст в стирку свои тряпки. Останется в бане после мытья и все сама настирает, высушит, потом выгладит. И в палате у нее чистота и порядок полный был. Очень любила цветы. Бывало, я пойду в лес весной, посмотреть, нет ли где с зимы клюквы прошлогодней. Есть грех, люблю зимней клюквой полакомиться. Да так вот Елена, твоя мать, всегда напомнит: принеси, Тихон, подснежников, если попадутся. Будь добр, так и скажет. Будь добр, Тихон! А осенью желтые цветы любила, что у нас по деревне в огородах растут. Не знаю, как их называют, а мать твоя их любила. Скромной, принципиальной твоя мамаша была, участницей трудового фронта, оказывается, а мы и не знали. Приходит как-то делегация с праздником поздравить, значит, ветеранов войны и труда, и подарки привезла, она не взяла. Я, говорит, в войну не ради подарков трудилась. Победа нам была нужна, и не взяла, как ни упрашивали. Гордая женщина, но справедливая. Никогда лишний кусок в столовой не возьмет. Бывало вечером, кто на ужин не придет, приболеет или кто-то откажется от еды, твоя мать никогда не возьмет себе ни кусочка, только скажет — мне своего хватает. Спасибо государству и за это.

Газеты любила читать, пока совсем не ослепла, а вот телевизор не любила, голова у нее от него болела. Но и с бабками не судачила, этого она тоже не любила. А так, как все старушки...

Тут Тихон разлил остатки водки по стаканам

и, чтобы как-то ободрить Константина Ивановича, а заодно подводя итог, просто сказал:

— Высокой души человек. Бывало...

Но тут Тихон умолк, он увидел, что Константин Иванович заснул на диване, наклонил голову набок и вытянул ноги.

— Вот и хорошо, пусть поспит.

Тихон встал и тихо вышел, осторожно прикрыв дверь за собой.

4

Сколько времени проспал Константин Иванович, он не понял. Быстро встал. На столе стояла кружка крепко заваренного неостывшего чая. Торопливо выпив, Константин Иванович быстро поднялся на второй этаж и вбежал в палату к матери. Она не спала, но, полусидя, что-то шептала себе под нос. Константин Иванович подошел, сел на край и спросил:

— Как ты, мам?

— А, сынок, все в порядке. Ты еще здесь...

— Я вышел, пока ты отдыхала, чтобы не мешать.

— Ты мне, Костенька, не помешаешь. Не обращай внимания. Я сама не всегда помню, что делала толком. Вечер, уже тебе в дорогу пора. Да и я снова скоро засну, слабость у меня. Вот повидались, а теперь езжай домой, привет всем передавай. Не плачь обо мне и не беспокойся. Я ведь давно смерть прошу, чтобы пришла, а она все затягивает свое дело. Ну вот, наверное, немного осталось...

— Не говори так. Я останусь здесь, мама. Не говори только так. Я буду целый день рядом, буду тебя кормить с ложечки, ты поправишься. У меня сейчас нет проблем со временем. Есть возможность быть здесь с тобой сколько надо. Я только позвоню, чтобы не волновались дома и на работе.

Константин Иванович стал торопливо снимать пиджак, повесил на спинку стула, давая понять, что готовится здесь сидеть целую ночь.

— Костенька, сынок, ты зря разделся, тебе пора, пора домой. Я тебя прошу, сынок, поезжай. А через денек-другой снова навещайся. Давай так и договоримся.

Соседки по палате тоже в один голос стали уговаривать Константина Ивановича уехать.

За мать пусть не беспокоится, они присмотрят. А если что, позвонят ему через Аннушку. После уговоров Константин Иванович понял наконец, что так надо. Он обнял мать, крепко прижался к ней, прошептал ей: — Поживи еще, мама, — и поцеловал ее. — Прости, мама, прости, если сможешь.

Слезы непроизвольно стекали по его щекам. Он не помнил, когда плакал последний раз, не стыдясь своих слез, пошел вперед на выход, из этого здания, где смерть ждет свою жертву в каждой палате.

На улице он оглянулся и увидел в окне второго этажа два старческих лица с платками на головах. В одном из них узнал Марию. Он махнул им рукой на прощание и направился на станцию. У ворот ему встретился Тихон. Он неторопливо прохаживал взад-вперед, держа в руке отполированную временем палку из вереска. Увидя Константина Ивановича, подошел и спросил как бы невзначай:

— Попрощались?

— Да, — ответил Константин Иванович. — Спасибо тебе за прием. Я тебе благодарен. Может, деньги нужны, ты скажи.

Константин Иванович полез за бумажником.

Тихон, увидев этот жест, обиделся:

— Да ты что, мил-человек, белены объелся? Какие деньги, скажешь тоже. Приезжай лучше

еще, в лес ходим, на речку — тут раки здоровенные, сварим на костре.

— Хорошо, Тихон, я, видимо, через день-другой сюда приеду на весь отпуск. Вот тогда мы с тобой по грибам и по ракам ударим. — Константин Иванович протянул руку и попрощался с Тихоном. — Ну, до свидания, спасибо тебе за все и за мать особенно...

И видя, что Константин Иванович снова как-то сник, Тихон неожиданно заговорил громко:

— Слушай, ты неправ. Я счастливый человек. Ей-богу.

— Это почему же?

— А так выходит. Ни от кого не завишу, никому не должен. Ну что, моя взяла? — засмеялся Тихон.

Константин Иванович подумал, подумал, хотел что-то ответить, но лишь согласно кивнул головой и медленно пошел на электричку.

Утром ему позвонили из Саблина и сказали, что мать...

□

Анатолий АРГУНОВ

(настоящее имя — Карпов Анатолий Васильевич) родился в 1948 г. в Хвойнинском р-не Новгородской области.

Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Российской Федерации.

Прозаик, драматург.

Пишет для взрослых и детей.

Автор шести книг, среди которых сборник повестей и рассказов «Аритмия», сборник пьес «Провинциальные трагедии», романы «Студенты» и «Купание в реке Греха» и др.

Член Союза писателей России.

Живет в Великом Новгороде.

В журнале «Север» публикуется впервые.

